

**евгений
КЛЮЕВ**

зелёная
земля

Евгений Ключев

Зелёная земля

«WebKniga»

2008

Клюев Е. В.

Зелёная земля / Е. В. Клюев — «WebKniga», 2008

В отечественной литературе книга эта – не только большое лирическое, но и историческое событие: стихи, десятилетиями ходившие «в списках», читавшиеся наизусть, передававшиеся из уст в уста и из сердца в сердце, перекладывавшиеся на музыку и в отрывках гулявшие по Интернету, наконец обрели авторство и оказались принадлежащими... Евгению Клюеву – знаменитому, особенно в последние годы, своими романами «Между двух стульев», «Книга теней», «Давайте напишем что-нибудь», сказками «на всякий случай» и виртуозными переводами произведений Эдварда Лира. У читателей впервые появляется возможность взять в руки печатное издание стихов этого «позднеклассического поэта», как в своё время отзывался о нём Д. С. Лихачев.

Содержание

АНКЕТА ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
И Я БЫЛ МУЗЫКАНТ	11
КАК ВЕРЁВОЧКА ВИЛАСЬ	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Евгений Клюев

Зеленая земля

АНКЕТА ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Имя, отчество, фамилия

Имя – так сказать, бремя... или же вымя,
что до фамилии с отчеством – тут увы:
те, что имели место, заменены другими,
выдуманными однажды из головы,
под настроенье: и всё-то под настроенье -
без настроенья строенья не возвести.
В общем, всё – липа, туфта, щебёнка, камня...
почему-то не выброшенные по пути.
Помню над колыбелью весёлую фею-с...
с именем, значит, в руках – говорит, возьми.
Впрочем, не отзывался и не отзываюсь -
просто с тех пор неправильно называюсь
всякими обстоятельными людьми.
В имени – вымени – нет никакого проку:
выменял как-то на склянку пустую и на
не подошедшую к ней красивую пробку -
вот таковы и есть они, имена!
Надо бы – на солдатика или монетку,
но ни того, ни другого никто не давал,
дали воздушный шарик, да не удержал за нитку -
полный облом получился, полный обвал.
Стало быть, кто ты, и чей ты, и прочие трали-вали -
стоят недорого, и ничего в них нет.
Может, и хорошо бы, если бы меня звали...
но не зовут – никуда, уже много лет.
Ну, а тогда – Бог с вами, а также с нами,
во вторсырье сдаётся наш гордый «Варяг».
За исключением, конечно, того, если имя – знамя...
только вот с этим тут как-то совсем напряг.

Возраст

Видимо, возраст преклонный – птичка в летах.
Или же непреклонный... но это я так,
это я так – из некоего пижонства:
на воду, значит, не дул, но и не обжёгся,
то есть не то чтобы там уж... совсем простак!
Но это я так.

Возраст, когда на картине «Вечный покой»
видишь не реку, а только что за рекой,
и когда, в сотый раз перечитывая «Одиссею»,
вдруг говоришь себе: кажется, я лысею,
и Пенелопина верность – такой пустяк!
Но это я так.

Возраст, когда на признание тебе в любви
ты уличаешь в глупости визави
и, приходя на свидание, вместо астры
даришь вдруг том с монологами Заратустры,
в астре внезапно увидев намёк на брак.
Но это я так.

Возраст, когда на показ парада планет
ты отзываешься вдруг громогласным нет
и когда народному шествию ты, затворник,
предпочитаешь sudoku и свежий творог
или творог... с ударением на двух местах.
Но это я так.

Возраст, когда конфеткою из дерьма
не обмануть: ах, детка, скушай сама,
и когда в ответ на слова: «Я о Вас наслышан», -
выбегаешь в сени к своим наострѣнным лыжам,
пуще жизни и смерти боясь лобовых атак.
Но это я так.

Возраст, когда и возраст уже не возраст,
а только небо – небо в высоких звѣздах,
а только море – море в тарелке супа,
где утонуть бы – только, наверно, глупо:
вытащат всё равно... ведь у них черпак!
Но это я так.

Пол

Ох, не смешите, пожалуйста: я с бородою,
а борода бывает вы знаете у кого.
Я от неё, конечно, не молодею,
но насчёт пола... выгляжу стиливо.
Если же кроме шуток, то, кроме шуток,
нету у нас ничего – разве печка на колесе,
ибо весь мир наш весѣлый безалаберно шаток,
и ужасно мы в нём разнополые все.
Пол на поле, значит, и полом же погоняет -
и полами размахивают пальто!
Так что, если пробки перегорают и огня нет,
очень трудно диагностировать, кто есть кто.
Говорят: мужчина, а он алкоголик,
или женщина, а она трезва... -
вместо крестика иногда приходится ставить нолик
или вписывать какие-нибудь слова:

скажем, пол – «растительный», или, напротив,
он «геометрический», как узор...
впрочем, можно жизнь прожить – вообще не увидев
половины полов в упор!
Но на всякий случай я с бороною,
а борода бывает вы знаете у кого -
и от этого выгляжу под стать чародею,
то есть бороду использую целево
и брожу по свету – бородатым, весёлым,
извлекая из воздуха за сюрпризом сюрприз,
и кичусь перед всеми своим редкостным полом,
хоть ты тут застрелись!
А когда вечерами возвращаюсь по шпалам,
то задумываюсь – правда, далеко не всегда,
для чего нам пол и что будет с полом
в тех краях, откуда светит звезда.

Национальная принадлежность

Тут всё захламлено и слишком много сложностей,
тут всё обломки и осколки, воют волки,
и магазин национальных принадлежностей,
и переполненные полки,
и непонятно, где у нас дневная выручка,
и сдача кончилась, и касса не фурычит,
и продавщица – хоть и западная выучка -
всё время врёт и только голову морочит.
Вчера татары прискакали на конях
и ускакали, увезя с собой коньяк,
а нынче утром два потомка Меровингов
сгрузили прямо магазина посреди
пятнадцать ящиков картонных бумерангов -
теперь их пруд пруди.
Да, персы некие уже давным-давно
свалили здесь не то сукно, не то рядно,
а греки – груды износившихся шезлонгов,
и слитки золота, и прочее руно.
Тут всё запущенно, пыль толщиной с палец,
и света нет, и на корню засох товар,
часы с кукушкой сто лет как надорвались,
кукушка сдохла, и кукует самовар.
Камин дымит, но до камина нету дела
ни продавщице, что внезапно охладела
тут ко всему, то есть ко всей этой фигне,
ни уж тем паче мне.
Я ненадолго тут: взглянуть, и удивиться,
и усмехнуться (дескать, вот ведь старый хлам),
и безмятежными очами очевидца
пошарить – в общем-то, лениво – по углам,

и, рассмеявшись, дать отсюда стрекача,
под роем стрел из басурманских луков горбясь.
Я кто... да тот, кто весь в бегах и чья
национальность неразборчива, как подпись.

Семейное положение

Такое вот положение, что как бы и... нет,
а было когда-то – да, но прошло без следа,
хотя, вероятно, где-то остался след.
Да некому больше по следу идти туда.
Такое вот положение: положили в чём был,
а был – в рубашке, не то б лежать нагишом!
Устроим поминки... нет, лучше устроим бал
тому, кто, живым уйдя, неживым ушёл.
Железные были кольца, но Генрих знал,
что кольца – они падут, как дадут сигнал:
и лопнули кольца все, кольцо за кольцом –
с хорошим концом.
Мы все тут одна, железная мы, семья,
мы все тут друг другу жёны или мужья,
но кольца нас держат, как Генриха, до поры...
до первой горы.
Повозку тряхнёт на горе – и падёт кольцо,
и больше друг друга уже не узнать в лицо,
и к нам подбежит прощаться наше вчера:
пора.
И солнце взойдёт, и уйдёт из-под ног земля,
мы все тут друг другу перекасти-поля –
такое вот положение... нет корней,
и, в общем, неважно, кто кого мудреней.
Лошадка дорогу знает, лошадка ржёт,
а то, что когда-то жгло, уж давно не жжёт –
мы все тут друг другу забытые небеса
и старые адреса.
Хотя, вероятно, где-то остался след,
но я в этот след – ни-ни, ни одной ногой:
лежащий там клад оказался не мой клад –
такое вот положение, дорогой.

Образование

Образован из обычного пара и табачного дыма,
из старинной французской песенки, вроде frere Jacques,
из идеи о том, что не мы были изгнаны из Эдема, –
и на всё это сверху надет дорогой пиджак.
Длиннополость делает его похожим на саван,
но в карманах – всякая небесная благодать,
из которой я тоже, стало быть, образован –

как пить дать:
два стеклянных шарика, они влюблены друг в друга,
золотая тесёмка от подарка на Рождество,
непонятно чем и зачем исписанная бумага,
жестяной пропеллер – точнее, две лопасти от него,
маленький будда, найденный под ногами,
но улыбающийся во весь рот,
описание одного хитроумного оригами,
пустой блокнот,
телефонная карта от потерянного телефона,
лакричный кружок,
последнее предупреждение из Минфина,
пастуший рожок... -
и, как всегда, никаких документов,
подтверждающих, что я образован из этого всего,
но есть копенгагенский адрес двух уличных музыкантов,
готовых засвидетельствовать моё с ними родство,
то есть близость структур, то есть сотканность из материй,
хоть непрочных, но вечных – типа тшета, тоска.
Музыканты, кстати, считают меня аватарой
паровозного свистка.

Род занятий

Я занят тем, что я ничем не занят, -
так говорил один далёкий человек,
и тут, наверное, нужна теперь слеза – нет,
нужна улыбка и, быть может, взгляд навек -
наверх, имеется в виду...
А в общем, заводь,
укрытие, ниша и так далее-езде:
да чем же он там занимается, мерзавец,
в своём гнезде?
Небось, поёт, небось, живёт себе не тужит!
Так он и делает, позвольте доложить:
весь поднебесный капитал давно им нажит,
что до небесного – такого не нажить.
А больше что же доложить... да доложите -
до весу – скажем, вот хоть чайного листа:
а то, пожалуй что, беспечный небожитель
давным-давно поиздержался дочиста,
а то, пожалуй что, беспечный небожатель
сжал, что не сеял, и отныне уж не жать...
но жить-то надо – и печали умножитель
на ниву сжатую торопится опять.
А между тем все песни старые допеты -
притом что новым песням время не пришло,
и между тем в гнезде давно растут опята,
мхи и лишайники – и там нехорошо:

сидишь и думаешь, что надо бы отсюда
туда куда-нибудь... Да все твои туда
ещё опасней: там – измена, там – засада,
там – оголённые мерцают провода,
там – обезглавленные корчатся идеи,
там – обескровленная капает вода,
там – маски всё ещё меняют лицедеи,
а там... – там только никогда и никогда.

Вероисповедание

Разумеется, не о псюхе и не о соме,
хоть, конечно же, и не о хлебе или о щах, -
я беседую с моим Богом часами
о других вещах.
О цветах-маргаритках, о бабочках-капуцинах
и о прочих серьёзных штуках – числа им несть:
о доходах интеллигенции или, скажем, о ценах -
например, на нефть.
Он внимательно слушает, головою качает,
ибо все мои темы он знает наперечёт.
Иногда переспросит, *что* это означает,
иногда смолчит
или вдруг посмотрит на облака, на деревья
и вздохнёт: снова близится месяц нисан...
Ему много лет, он жалуется на здоровье
и плохой сон.
Он не нажил тут ничего и живёт где-то
на окраине мира – пять часов на такси,
он ругает транспорт и хмурится бородато
на свои небеси.
И о чём ни попросишь его, говорит, занят,
не сегодня, потом, говорит, и засим
исчезает... и бранится, прежде чем исчезает:
дескать, сделай сам!
Разбивает мои мечты – то одну, то другую,
превращая их все в какое-нибудь рагу.
Я и сам временами, конечно, ему помогаю
чем могу.
Так вот, собственно, и живу: от встречи до встречи,
ни на что не жалуясь и ничему не учась.
А его «всегда» часто даже короче,
чем мои «сейчас»:
даст сначала что-нибудь, но тут же и отнимает -
и при этом ведёт себя до ужаса делово.
Иногда мне кажется, что он меня не понимает.

Но я верю в него.

И Я БЫЛ МУЗЫКАНТ 1971–1975

И я был музыкант -
и пел стручок гороха
от выдоха и вдоха,
и я был музыкант -
и в золотых перстах
за хвостик искривлённый
держал мотив зелёный,
а это не пустяк!
И я был музыкант -
и слушал, как бессонно
звучат дождя канцоны,
и я был музыкант,
и у судьбы в руках
я успевал заметить
весёлый инструментик,
и я был музыкант.
Но, круглый идиот,
я растерял по свету
гороховую флейту
с горошинками нот.

* * *

Тут старинных строчек залежь
бес-тол-ко-ва-я...
ты прочти – и ты узнаешь,
что такое я:
карандаш, чернила, паста -
вот и весь состав,
а в других делах копать -
ах, оставь, оставь.

Для чего, скажи на милость,
для чего, дитя,
ты хвататься за малость
бытия-жизня -
это из другого теста,
из другого дня!
Не ходи за кромку текста,
не ищи меня.

Там, дитя, ты не увидишь
золотого «там» -
там забытый хлам, да ветошь,

да забытый храм,
никакой земли и неба,
не горит звезда...
коль туда – так не ко мне бы,
не ко мне б туда!

По задворкам-то плутая,
долго ль до греха?
Скажем, эта запятая
чем тебе плоха -
плоше ли, чем день вчерашний -
выбитый из рук?
Спи, дитя, в высокой башне
за зубцами букв.

* * *

Какою музыкой плеснуло по губам!
Не всё бы сразу – по частям бы прозвучали:
отдельно – радости, отдельно бы – печали,
отдельно – скрипочки, отдельно – барабан...
Всё б в свой черёд: за тактом такт, за шагом шаг,
отдельно море, например, отдельно – горы,
отдельно то, отдельно многое другое,
чтобы друг другу не перечить, не мешать.
Сначала б арфа пошутила с ветерком,
потом бы горн вздохнул среди пространств застылых -
и всё на свете бы построилось в затылок,
и стало б в очередь, и побрело б гуськом.
Оркестр сразу б не сумел... он по частям,
он троекратно бы вступил – и дал нам в звуке
не то три радости, не то три смертных муки:
отдельно Бах – и Иоганн – и Себастьян.

* * *

А далеко ль поёт рожок?
Да далеко, мой свет.
На тот кисельный бережок
теперь дороги нет -
теперь, мой свет, хоть плачь, хоть вой,
а оставайся тут,
куда в ответ на голос твой
оттуда не придут.
А велика ль моя вина?
Да велика, поди,
раз та волшебная страна
осталась позади:
словарь – пустым твоим устам,

свирель – твоим мечтам,
они бывают только там,
да ты уже не там.
А я тогда пойду вперёд!
А ты иди вперёд...
Я покажу тебе, где брод,
а где наоборот:
нам всем не терпится прыжок
в куда-я-не-могу...
о том, дружок, и пел рожок
на дальнем берегу.

* * *

К серьёзности – каплю высокого вздора,
к печали – бессмертную детскую шалость:
и падала роза на лапу Азора,
и жизнь возвращалась, опять возвращалась,
и над переулочком – громким, булыжным,
морозное тихое небо вставало.
А Вы говорили: «Немножечко выждем,
мы прожили вечность, но это так мало!»
И точно: потом постепенно теплело,
в замёрзших руках появлялся багульник -
он был наш Вергилий, он вёл нас из плена
на волю, вперёд, в новый день, в понедельник!
И мы уже знали, что дальше всё просто:
каких-нибудь двадцать шагов – и, как прежде,
в малюсенькой лавочке у перекрёстка
опять продаются грехи и надежды.

* * *

Сидела в тиши субботы,
ткала своих строчек бязь,
за тоненький край свободы
свободной рукой держась,
пока – божества на страже
и цвета его чернил -
я жался в дверях, но даже
и в мыслях не позвонил.
Да благословенно соло
невежества, писчий раж!..
Какую ты чушь писала,
какую лелея блажь,
какие слетались осы
и пчелы на этот мёд,
бесстрашная поэтесса
в неполных осьмнадцать лет?

Вилось над тобою иго -
беспечнейшее из иг,
готовая за день книга
вымарывалась за миг.
В ней было всего немало -
поменьше б таких немал...
Ах, что бы ты понимала!
Ах, что бы я понимал...

* * *

У меня были стихи книжного мальчика
и остаются стихи книжного мальчика.
Иногда я даже читаю Мильчина -
правда, редко когда понимаю Мильчина.
У меня была любовь книжного мальчика
и остаётся любовь книжного мальчика -
цвета воздушного шарика или же мячика,
алого воздушного шарика, синего мячика.
У меня была жизнь книжного мальчика
и остаётся жизнь книжного мальчика:
она спрятана где-то на дне портфельчика,
а портфельчик заброшен на дно подвального.
У меня будет смерть книжного мальчика -
лёгкая смерть книжного мальчика:
вынул Боженька дудочку из чехольчика
и опять спрятал дудочку в глубь чехольчика.
Из комнат бросившись под дождь,
за хлеб не поклонившись дому -
что, птица божья, ты поёшь,
кто научил тебя такому?
Что, птица божья, ты поёшь!..
Таких стихов, таких мелодий,
летунья, не бывает в дождь
и вообще... при непогоде.
Но у тебя есть свой аршин -
на всю твою пустую участь:
такому не научит жизнь,
любовь и слава не научат -
и неприкаянная песнь
есть у тебя в кашне грошовом:
не хочет пить, не хочет есть,
а хочет быть — да вот хоть шёлком,
и, оторвавшись от земли,
скитаться, бедствовать, лучиться -
одна, без близких, без семьи,
сама себе своя отчизна.

* * *

Там такие молодые небеса,
там урок правописанья начался:
пишут перьями на небе кто почём -
стриж за ласточкой, журавлик за грачом.
И вымучивает бедный дилетант
нескончаемо диктуемый диктант
про сначала было слово, а за ним...
так и жили – ожиданием одним,
что за словом поторопится строка, -
да строка всё улетаала в облака,
как пушинка, как бумажка, как листва, -
и, конечно, за строкой не шла глава,
за главой не шла поэма – тормозя
на каком-то то ли «рано», то ль «нельзя» -
и за сколько-то ужасно много лет
недописанным остался наш завет...
Ты продлись, продлись, божественный ликбез -
пусть старательные писари небес
затвердят правописание назубок
и напишут без ошибок слово «Бог» -
а уж там мы разберёмся как-нибудь,
где смолчать, где улыбнуться, где вздохнуть -
где начало, середина и края
в нескончаемом диктанте бытия.

* * *

Приволье музыки просторной:
на заливных её лугах
трубят медлительные горны
и пропадают в облаках.
Потом вступают барабаны:
они идут издалека.
Выходит вечность полупьяной
из бездны медного рожка.
Махнув платком у поворота,
растает время за углом,
как сон, как псовая охота,
как некогда огромный гром...
И всем нам хватит, не печалься,
на нашем залидном лужке
и этой музыки, и счастья -
и хватит вечности в рожке.

* * *

Океаны чужие, чужие ветра... в общем, Киплинг:
в общем, Киплинг, прекрасная Африка, бусы и шаль.
Видишь, буря в стакане воды, а флотилия гибнет -
гибнет где-то в стакане воды, и флотилии жаль.
И последнюю узкую шлюпку спускают на воду,
и последний бросают на воду спасательный круг... -
всё предвиделось, вроде бы, кроме такого исхода,
но флотилия гибнет – и буря отбилась от рук.
А в стакане воды под летучей лиловою тучей
с толку сбит адмирал – и ломается трубка во рту.
Но последний гуляет по тонкому ободу случай
нам с тобою спастись – на нечаянном нашем плоту.

* * *

Я не знаю, куда меня нимфа,
безрассудная нимфа моя -
я не знаю, куда меня рифма
уведёт, за какие моря...
но уже и трава поредела,
и уже небосвод мутноват -
мне не нравятся эти пределы
и не хочется так рифмовать:

мне б поближе куда-нибудь с домом,
курс держа на отеческий дым!
Я не знаю, что делать с изломом
плавниковым и плавным твоим -
принимать ли его искривленье
за игру, за судьбу, за строку?
Вся ты видимость, вся ты явление,
вся ты шёлковый бант на боку -
и смешна тебе свежая ветошь
нежных слов, и идеи скучны,
и не знаешь сама, что ответишь
ты из-за моря, с той стороны!

* * *

За пчёлами скрипок! Музыка – как мёд,
а тесные ноты похожи на соты.
Пчелиное пенье – ему невдомёк,
какие оно покоряет высоты:
всё круче взвиваясь, всё легче вьётся,
всё дальше и дальше пчелиная тема,

всё меньше в ней яви... какая ж тут явь,
когда уже, в общем, она улетела!
Но что-то жужжит ещё, что-то жужжит
и тонкую истину выжужжит вскоре,
что время бежит... ах как время бежит -
по узенькой, узенькой улочке к морю,
и нет ничего, что от нас не уйдёт
навек, но... серп, полумесяц, улыбка -
светится, и всё продолжает полёт
последняя пчёлка и скрипка.

* * *

Кто там на облаке присел?
И я хочу, как эта птица.
На небе много места всем,
да отчего-то не летится -
не улетаётся никак.
И я не знаю, *что* нежнее,
чем этот ласковый пустяк -
пустяк земного притяженья...
пустяк земли, пустяк семьи,
знакомых скверов и скамеек!
Вот почему слова мои
летать по небу не умеют,
вот почему, мой поздний гость,
нам (невзирая на умелость!)
весь вечер чаю не пилось
и песен никаких не пелось.
Ничего не поделаешь: значит, блеснём
по далёким пространствам коротеньким сном,
муравьиным скользнём золотым миражом
по смешным рубежам в мироздания чужом.
Это мелкая память о тропке земной:
насекомое, искрой кольнувшее зной,
и слеза – через несколько сотен веков -
из янтарных очей рыбаков.
И на небе, где кто-нибудь бродит всегда,
вдруг заметят случайно: упала звезда,
и, дорогами неба беспечно пыля,
вспомнят: кажется, это Земля.
А один безымянный ночной человек
прямо в это мгновенье посмотрит вверх -
и, упавшему свету навстречу идя,
загадает полдня без дождя.

* * *

Вот вам лестничка скрипучая:

это просто, как букварь!
А за нею – Царство Случая,
царство, где никто не царь,
где заманивает улочка,
незнакомая впотьмах,
как серебряная уточка
на ленивый полувзмах.

За китайским за фонариком
есть китайская страна:
мы с фонариком-судариком
там гуляем допоздна -
и, с обычной бестолковостью,
путатель всех наших карт,
вдруг пахнёт забытой новостью
полоумный месяц март.

* * *

Ну что, бессмертная строка,
не то ты, так сказать, игрива -
не то пишу я слишком криво...
но ты взмываешь в облака!

А больше вдоль страницы всей
нет ни крючка – такая жалость...
Не ты ли стайкою гусей
на белом небе задержалась -

там ветра нет, там воздух чист, -
не навсегда ль ты там повисла?
М-да, мне уже не различить
далёкого чужого смысла,

и я уже не знаю сам,
кто в направлении востока
так путано и так высоко
на небе что-то написал...

ПРАВИЛА ХОРОШЕГО СТОНА

Хороший Стон, господа, -
это когда:
цветок улыбки зажат
в зубах, но губы дрожат.
И смысл такого цветка
не в том, что жизнь коротка,
а в том, что жизнь весела,
как мало бы ни цвела.

Хороший Стон, господа, -
это когда:
ты зонт на случай дождя
берёшь, на казнь уходя.
И смысл такого зонта
не в том, чтоб не намокать,
а в том, чтоб не намекать,
что жизнь почти прожита.

Хороший Стон, господа, -
это когда:
ты со своим палачом
заводишь речь ни о чём.
И смысл подобных речей
не в том, что жаль палачей,
а в том, что голову с плеч
и речь – нет смысла беречь.

* * *

День, играющий на флейте,
приманил игрою тьму -
мы давно живём на свете
и привыкли ко всему:
снова сыро и космато
станут сферы нависать,
только мы запанибрата
с облаками в небесах!
А с одной звездой ясной
мы знакомы целый век -
и такие уж друзья с ней,
что заходим к ней наверх,
ибо ей ли не увлечь нас -
той, кому всегда с руки
на лету болтать про вечность
и другие пустяки!

* * *

Если хочешь, считайся поэтом:
значит, вот тебе жизнь... Но, поэт,
почему ты опять не об этом,
почему ты о том, чего нет!

Вот деревья твои и дорога,
и в конце её узкий просвет:
это больше, чем есть, это много -
для чего тебе то, чего нет!

На, возьми себе домик с трубою
и возьми себе к домику след -
пусть они пребывают с тобою,
и забудем о том, чего нет!

Но оно золотое такое
это Точегонетникогда!
Как в густом вечереющем кофе
отражённая с неба звезда,

как пустое окно с поволокой,
как высоко зажжённый фонарь,
как далёкий, далёкий, далёкий
край – по имени Невспоминай.

* * *

А то, что совсем не приправлена
строка моя злобою-дня, -
прошу Вас понять меня правильно...
оно как-то не для меня:
я тень – и темны словеса мои,
и нет выраженья лица,
я прах, с тихих крыл отрясаемый,
я пыль или, скажем, пыльца.

И всё, что я навывборматывал, -
затем, чтобы так как-нибудь
намёком, налётом ли матовым
минувшее время вернуть -
убогое, грешное, сирое...
прекрасное, солнечный брег! -
легонечко так па-ти-ни-ру-я
наш новый с иголочки век.

Обуглено всё и оплавлено,
но мне ли за это пенять!
Прошу Вас понять меня правильно:
меня невозможно понять.

* * *

Немного листьев и скупого света -
и вот вам осень: больше не дано.
А в голове – понятие флажолета...
нет, только слово *флажолет* одно.

Есть всё-таки слова! Да все бездомны,

и все летают, над землёй висясь,
высоко воспарив, родства не помня,
с предметами утрачивая связь,

и сколько бы ни тщились тут поэты,
и сколько б ни клялись: азь написах,
азь улових понятье флажолета! -
ан... слово всё равно на небесах.

А здесь у нас сырые мостовые
и солнца не бывало много лет,
и как-то так случилось, что впервые
я встретил это слово – *флажолет*.

* * *

Ночь была как зона бедствия:
в развороченном дворе
слепо мыкались приветствия
всех на свете фонарей,
и бросались в окна бабочки
в распоследнем мятеже,
расшибаясь, погибаячи
и – не будучи уже.
Сад безумствовал – и далее
прямо в комнаты кидал
неживое мироздание
по кускам: за далью даль.
И не ощущалось разницы
между малым и большим:
ночь всю ночь впадала в крайности -
как искусство и как жизнь.
Но потом часов колесико
всех нас вывело из тьмы -
и высокое, как классика,
встало небо над людьми.

* * *

И это лето истекло -
и осень смотрится в стекло
холодных луж, холодный душ
дождя – тяжёл и неуклюж.
Уже раскручено на всю
катушку – лета колесо:
листва желтеет на лету -
и, вспомнив лета маету
я невпопад произнесу:

«И это – всё?»

И год помедлил – и истёк,
просыпался, словно песок
в часах песочных: старый сор
так грузен, что... что невесом.
Осталось несколько минут -
свить серпантинное лассо,
похлопать друга по плечу,
зажечь последнюю свечу -
и неожиданно вздохнуть:
«И это – всё?»

И жизнь, помедлив, истекла -
ещё немножечко тепла
витают облаком у рта,
и у носилок – суета:
по-деловому и без слёз
пока ещё глядят в лицо:
поправить шарф? подать пальто?
А на лице совсем не то -
там удивленье, там вопрос:
«И это – всё?»

* * *

Когда стоял сентябрь сентиментальный
без зонтика, на мокрой мостовой,
без слов и с непокрытой головой -
всё рушилось, но было жаль – деталей:
сырой листвы, которую сметали
без всякого смятения с мостовой,
кривой метлы над этою листвою
и дворника при сей метле кривой -
когда стоял сентябрь сентиментальный
без зонтика на мокрой мостовой.
Уже прощались с неживой травой,
уже прощались с зарослями далий
и с ножницами возле самых талий
последних далий; вечность облик свой
утратила, но было жаль – деталей,
когда стоял сентябрь сентиментальный
без зонтика на мокрой мостовой.

* * *

Ты не то чтоб о древних рунах
и не то чтоб о дальних странах... -
добрый вечер, концерт для струнных,
для расстроенных и для странных.

Ты не знаешь, что значит вечность,
беспредельность и даже – дальность,
но ты знаешь, что значит личность,
одинокчество и отдельность.
И ты знаешь, чего мы ищем
в тесном хаосе звукограда
и что так и не стало общим -
ни для племени, ни для рода.
Значит, поговорим о бранных
или, лучше, о посторонних
о делах... о вещах нетленных -
не для всех, а только для струнных.

* * *

И я тогда пойду себе, пойду... -
уже я шёл за этим и за тем,
но множество осталось праздных тем,
мелькающих вдали – то тут, то там:
в раю, в аду или совсем в бреду.

Меня уводят, стало быть... крепись:
меня уводят разные слова,
и есть у них весёлые права
(хоть тут не обошлось без колдовства) -
на всю-то жизнь мою, на всю-то спесь!

Меня уводят – что это за путь? -
меня уводят: руки мне скрутив, -
один нежнейший уличный мотив,
и, руки заломив, – бездомный миф...
прости, я не успел тебе махнуть!

Меня уводят – по одной тропе
и по другой, по разным мостовым,
по всем дорогам – тёмным и кривым,
сквозь весь туман, весь морок и весь дым...
Возьми улыбку: это я тебе.

Всех благ, мой ангел!
На щелчок дверной,
на взмах сачка, на экивок сучка,
на ослепительный обман крючка -
меня уводит за собой строка
туда... куда ты не ходи за мной.

* * *

Значит, этого не было вовсе – не правда ли?

Небродили невмарте неварке несвами,
несмотрели невнобо, незвёзды непадали,
неменялись немыслями и несловами.
Небежали недни, нечужая неженщина
небыла невлбизи...

Тут одни небылицы.

Незвенел немороз, невиднелась нетрещина
неотсердца некердцу – неволь нестолицы.
Ненесли нетоску непустыми неведрами,
непугались непрошлого – и, неконечно,
невдвоём невладели небесными недрами,
как недавно: нечаянно, немо и нежно...

* * *

А. Г.

...я за это заплачу
связкою морских ракушек,
парою разбитых чашек
я за это заплачу,
и матерчатым цветком,
и щепоткой свежей пыли,
и понятием вольной воли
я за это заплачу,
нерешительным звонком,
и решительным отказом,
и немедленным конфузом
я за это заплачу,
и пустым черновиком,
и грядущим чёрным веком,
и вечерней птицы криком
я за это заплачу,
и белеющим флажком...
а когда уж будет нечем -
жизнью, смертью или прочим
задушевым пустяком.

* * *

Весёлый рой ночных букашек,
луны высокий абажур:
что ж, мой японский карандашник,
твой час теперь – иди, дежурь!
Паси крючки и закрючки,
чей лёгкий лаконичный строй
громоздкой и не снился ручке -

ни стержневой, ни перьевой;
блюди на узеньких дорогах,
пока верна тебе строка,
свой одинокий иероглиф -
прирученного паучка.

Но ты, не начиная вахты,
каким сомнением обуян,
всё кружишь над страницей?
Ах, ты
опять выпестываешь план
произведения простого,
на языке своём сухом:
два полуночных полуслова,
зачёркнутых одним штрихом!

* * *

Дай Бог, чтоб не был твой отвергнут дар
тем или той, кого... — не в этом дело, -
тогда твой дар становится: удар -
лети назад, стрела... летите, стрелы!

Даритель глуп, а одарённый слеп,
и дар напрасен, ибо не к рукам он:
лежавший на твоей ладони хлеб
в одну секунду превратился в камень.

А радость постояла и ушла,
забыв сказать куда... такая малость:
всего-то лишь что вздрогнула душа,
но вздрогнула — и только: не сломалась.

ГИЙОМ АПОЛЛИНЕР

А Париж начинался за словом «Париж»:
чуть пройдёшь — и направо, всего-то и дела!
И тогда открывалась бескрайность предела -
так бывает... но, видимо, всё-таки лишь
в этом самом Париже, где прямо с угла
начинаются крохотных улочек вальсы:
там-то и открывалась... подвал открывался -
«Closerie de Lilas»!

Это кончилось всё — это было уже
много жизни назад или много искусства,
от которых — беспутное наше лоскутство
и паскудный испуг на крутом вираже.
А мелодия — что ж ей? Осталась цела,

и цвела, и цвела – чтобы мы не грустили, -
лиловатым цветком уцелевшего стиля
closerie-de-lilas, closerie-de-lilas.

По подвалу металась мечта без хвоста -
подвизаться на поприще импровизаций,
и предметы умели не быть, но казаться -
ни себе не чета, ни другим не чета...
ни черта не понять очертаний крыла!
И у Бога была своя свита – богема,
и светила над нею высокая тема -
closieriedelilascloseriedelilascloseriedelilas...

СТИХИ ОБ УЖАСНОЙ ДАМЕ

(1)

Опять не те у Вас в гостях:
опять какой-нибудь Пустяк
присел на краешек дивана,
имея вид кота-баюна;
опять какая-то Причуда -
откуда-то, но не отсюда -
безостановочно трещит
и открывает суть вещей...
Ах, Вы всегда то с тем, то с тем:
у Вас на всех достанет тем,
а в Вашем кофе – вечный пепел,
и, будь я Вами, я бы не пил!
Но Вы твердите: хватит маний -
и кажетесь мне ненормальной -
всех обвинив и всех простив,
забыю на полуслове стих
и – понимая, что некстати, -
лепя случайный хвост к цитате!

Потом у вас в гостях Озноб -
с обычным ворохом обнов,
потом Мигрень, потом Пардон,
потом – открыв тетрадь с трудом
и спичкою рисуя жжёной -
Вы кажетесь мне раздражённой,
и злой, и полной мелочей,
и милой... свет моих очей!

(2)

Покатаемся на дрожках
по столице пустоты -
у истерики на рожках
молчаливые цветы,

руки тряски, плечи зябки,
молниями отмерцав -
гнева знойные голубки
разлетаются в сердцах!

Поворачивайте влево,
нет, направо... нет, пешком -
куролесит королева,
куролесит королева,
правя правым сапожком:
это гости, это нервы,
разговоры до утра... -
ах, маневры, ах, минервы,
ах, военная пора!

Сбросив шапку, сбросив шубку -
в бой за право быть ничьей,
прямо в уличную пробку,
в бездну, в пекло, в мясорубку -
не бывает горячей.
Выскользнула из одёжки -
и пропали все следы...
И везут пустые дрожки
страшной нежности издержки,
горькой прелести плоды.

(3)

Завтрак отложен на завтра – беспечной рукою,
книжку листающей, – и золотые слова:
«Если б смогла, то оставила Вас бы в покое -
или, скорее, подсыпала яду в Ваш кофе», -
завтрак отложен на завтра, и дремлет Москва.

А разговор состоит из вчерашних обрезков,
древних обломков, осколков случайных пород,
отблесков, отзвуков и подозрительных всплесков,
из отклонённых и вновь предъявляемых исков...
всё отслужившее – снова пускается в ход.

Ан – не заводится день: барахлит зажиганье,
перетрудилась и больше не хочет свеча,
звёзды с рассветного неба украли цыгане...
Шмыганье носа и узеньких плеч содроганье,
кошки лукавство и честные трели грача!

Но до чего же мне всё-таки по сердцу каюсь,
эта напрасная жизнь... до чего ж дорога!
Ну, не милы ли – и весь Ваш задумчивый хаос
(день не завёлся – и вышел пешком, спотыкаясь),

и неполадки при взятых быка за рога...

Тряпка состарилась красная, вялых движений
мирные волны уже никому не во вред,
копья летят наугад, не касаясь мишеней, -
кружево жизни: тяжёлая дурь поражений,
лёгкая дурь перемирий и тщетность побед.

(4)

Долгого романа
белые знамёна
бьются у дверей.
Это всё Измена,
это всё Йемена
с музыкой своей...

Три-четыре ноты -
наши карты биты,
и с ночных высот
сыпятся планеты:
все со всеми квиты -
не горюй, рапсод!

Если нету слада -
так пора отсюда,
стало быть, в полёт...

Да одна Засада,
да одна Досада
песенку поёт.
Да одна Причина
(поздно, дурачина!)
держит за грудки,
да старинной клятвы -
накануне битвы -
светят огоньки.

(5)

Так, за «простите», и душу отдашь...
Лгать – Ваша участь, и лгать – Ваш талант:
бывшего – не было, всё это блажь -
шпилька, булавка, заколка и бант!

Вам ли смущаться, теряться, краснеть -
ангел мой, всё ведь на свете игра, -
а на подносике – райская снедь,
а за плечами – пустыня Вчера.

Всё передёрнуть, но всё объяснить:

чудом вскочив на Корабль Дураков,
снова связать ту же самую нить -
всю состоящую из узелков...

...верую – не приставая с ножом,
верую – не приглашая на суд:
так же, как дети, когда мы им лжём,
верую, верую, ибо – абсурд.

Впрочем, однажды и это пройдёт:
выйдешь, вздохнёшь и – айда на Арбат!
Что ж это было с тобою? Да вот...
шпилька-булавка-заколка-и-бант!

(6)

Впрочем, может быть, ужин в «Шоколаднице»
за каким-нибудь блинчиком шальным
нас подружит опять – и всё уладится,
и полюбит нас Бог и иже с ним.
А на улице будет гололедица -
и все прочие сойдутся с пути,
но огромная Малая Медведица
будет нас очень тщательно пасти.
И одна за другую неурядицы
разбегаться начнут – кто куда,
и минувшее будущим нарядится,
но его мы узнаем без труда... -
ибо школьница, злюка, привередница
собираательница редких камней
всё равно уж едва ли переменится
и едва ли приблизится ко мне,
ибо жрица, святая, проповедница,
возжигательница нового дня
всё равно уж едва ли переменится
и едва ль удалится от меня.

(7)

Ну и что ж у нас теперь... да ничего:
утомился колокольчик речевой
волочиться по запутанным следам
всяких глупостей и всяких разных дам.

У него теперь заботы поважней,
чем тащиться позади беспутных дней,
семенящих вслед за дробью каблучков
по подвалам кабаков и кабачков!

У него теперь серьёзные дела:
надо сделать, чтобы жизнь была цела, -

между тем как жизнь давно уже, боюсь,
вся рассыпалась куда-то – ниткой бус...

Я за бусинками бегал с бечевой -
и смеялся колокольчик речевой:
потому что, напевал он, только звук
возвращает мир, отбившийся от рук.

Погоди, мой колокольчик дорогой,
я-то знаю ведь, какой в тебе огонь
и как быстро ты распугиваешь дни -
драгоценные пока... – повремени!

Я, пожалуй, задержусь ещё на час:
пусть бокалы побренчат – и постучат
каблучки, а я наслушаюсь их впрок
у начала новых строк или дорог...

(8) Письмо к Ужасной Даме

Здравствуйте опять, Не Было Забот!
Там у Вас июль, а у нас – февраль...
там у Вас всегда всё наоборот -
только, чтоб войти, надо знать пароль.

Там у Вас есть страж – очень строгий стриж,
и к нему с утра – запись на приём:
чуть не так споёшь, чуть не так состришь -
и не пустит к Вам... разве – напролом!

Я боюсь того – жуткого – стрижа,
так что мне туда больше – ни ногой.
Только я скажу, что – стрижа держа -
Вы ведь не могли стать совсем другой.

Хрупкая судьба – королевский паж:
сеешь да не жнёшь, несмотря на прыть...
бедный, бедный стриж, бедный, бедный страж:
задержать – не жать, сторожить – не жить.

Славная судьба – аутодафе!..
Бог упас, я – пас: ураган затих.
А найти меня... на углу, в кафе -
где в ходу пароль «кофе для двоих».

(9)

Всё начнётся сначала: закрутится явь заводная,
и опять, проклиная себя, ты проглотишь клинок,
балаганный шутник... и хохочет собрание, не зная,
что клинок застревает навеки – груди поперёк.

Шут с тобой, балаганный шутник, потешатель собраний!
Никаких словопрений – приказом капризного рта
ты направлен туда, где отныне – ни боли, ни брани:
жизнь опять прожита.

Сколько было их – жизней-то... много – не сбиться б со счёта:
со щитом приходил и потом – прибывал на щите.
А последний круг ада, должно быть, и есть – круг почёта:
запоздалый венок – Суете, Пустоте и Тщете.

Три сестры развеселых ведут тебя, стало быть, прямо -
в преисподнюю, где бездыханный кружит хоровод,
и платочком в слезах провожает несчастная дама
твой счастливый уход.

(10)

Ещё одну минуту -
я что забыл сказать:
за эту же монету
Вас ангел впустит в рай.

Цена – она едина,
набор услуг – другой,
но яркость сновиденья
сильна и там, и там.

Мы свидимся – не думай...
сновидимся ещё:
Вы – той же самой дамой,
я – тем же, кем и был.

Простив мою фриivolность,
примите от меня
последнюю реальность -
монетку... на проезд.

* * *

Виде Груздите

– А что между нами было,
Заезжий-на-Час-Ездок,
когда Вы промчались мимо?
– Любовь как короткий вздох.
Ещё между нами было
не столько часов езды,
как до... например, могилы,
до сердца или звезды.

– А что между нами стало,
Заезжий-на-Час-Ездок,
потом, в тесноте вокзала?
– Любовь как короткий вздох.
Ещё между нами стало
несходство двух языков
и то, что Вам лет... так мало,
и то, что я... был таков.

– А что между нами будет,
Завезжий-на-Час-Ездок,
когда всё опять забродит?
– Любовь как короткий вздох.
Ещё между нами будет
зима, а потом весна
и много похожих судеб,
Ваш муж и моя жена.

– Не слишком ли тонки нити,
соткавшие этот миг?
Прощайте, Ездок, простите
мой возраст и мой язык...

И, взгляд опустив на плиты
холодной своей Литвы,
Литвой, как будто молитвой,
себя утешили Вы.

* * *

Не идти – бормотать по пути
без разбора и прямо хоть так:
не печалься, до встречи, прости,
навсегда, никогда – бормотать.
Просто несколько слов, словно снов,
бормотать, стало быть, невпопад -
никаких не тревожа основ,
беспорядочно, как снегопад.

Из-под ног устремляется лёд,
удаляется мир – словно миф,
и душа уже не узнаёт
ничего, всё на свете забыв:
ей легко в этом сонме потерь
на последнем висеть волоске
и легко обвенчаться в метель
в дальней церкви неведомо с кем.

* * *

У зимы недолгий срок:
хватит взгляда... полувзгляда,
двух десятков беглых строк
на обёртке шоколада -
шоколадного суфле!
Как живёшь? То чёт, то нечет,
но на всей этой земле
нечего увековечить:
небосвод и тот поник
головой своей умнейшей!
Если что-то длится миг -
век мерещится, не меньше.
Но сейчас и век пройдёт -
как тоска по дальним странам,
как забавный анекдот,
показавшийся – романом.

* * *

Я забыл мой зонт в передней
на чужом крючке.
И строки одной, последней,
нет в черновике,
а была...
И, холодея,
я увидел, как
лучшая моя идея
скрылась в облаках.
А весёлая богиня,
скушавши обед,
улетела за другими,
прокричав: привет!

Но трепал один тромбончик,
глядя на луну,
на задворках, возле бочек
музыку одну:
так, пустяк, три такта, шалость... -
зная наперёд:
всё, что за день растерялось,
музыка – вернёт.

* * *

Мотылёк на словую лапу присел

и блестел изо всех своих сил.
А плоды привезли из серебряных сёл,
где серебряный дождь моросил.
Мы украсили ими наш нищенский рай,
чтобы каждый обрёл, что просил.
Мы воздели звезду и сказали: сияй
и блести изо всех своих сил!

И сияла звезда, высока и светла,
и блестела как только могла,
и, когда накалилась она добела,
вдруг наладились наши дела.
Но, едва накалилась она добела,
как внезапно сгорела дотла -
и опять вдруг разладились наши дела,
я уж точно не помню какого числа -
шестизначного, что ли, числа...

* * *

Душа моя, оставим разговоры:
я молча побреду по склону дня
в надежде, что Казанскому собору
нет никакого дела до меня.
И то, что он никак не отзовется
на голос мой – такая благодать...
а каменного жеста полководца
я ведь могу всерьёз не принимать!
Блуждая в трёх колоннах, как в трёх соснах,
я наконец подумаю о том,
что всё в моей судьбе довольно сносно
и всё прекрасно на ветру крутом,
что пробежит и этот день весенний -
день-ветреник, день-щёголь, день-пижон...
И пусто на душе, как в воскресенье -
как в воскресенье в городе чужом.

* * *

«MyDogandMyself»

Дорога была песчаная:
растаивал день у дюн.
Картина была печальная -
и сбоку стоял один
какой-нибудь куст, а спереди -
ни дерева, ни жилья...
И шли по пустому берегу
Моя Собака и я.

Тянуло прилежной свежестью
от вечера и от дум -
и юное побережье
казалось почти седым.
Брели и тихонько мыслили
о том, чтобы стать скромней,
счастливей и многочисленней
Моей Собаке и мне.

И так продолжалось несколько
столетий – за веком век.
И длилось всё то же действие,
и берег уже привык
встречать нас заливом пасмурным
и холодом пустыря.
Страдали приморским насморком
Моя Собака и я.

Планета была пустынная.
Планета была Земля.
Дорога была постылая -
ни дерева, ни жилья.
И бойкий прибой под дюнами
плескался как заводной.
Собака была придумана
Моей Собакой и мной.

* * *

Музыка-музыка, что тебе нужно,
что тебе, музыка, нужно от нас!
Время нам чуждо, пространство нам чуждо -
что тебе, музыка, нужно от нас!

Жизнь пролетает – и жизнь, пролетая,
с вальса собьётся на марш столько раз!
Красною тянется нить золотая -
что тебе, музыка, нужно от нас!

Красною тянется нить золотая.
Время ложиться: двенадцатый час.
Птичка, на лапку одну припадая, -
что тебе, музыка, нужно от нас!

Сядь-ка на кухне да выпей-ка чая -
хочешь, я встану зажгу тебе газ?
Птичку всю ночь из силка выручая...
Что тебе, музыка, нужно от нас!

Нить золотая да чашечка чая,
птичка в силке, то ли марш, то ли вальс -
то ль обольщая нас, то ль огорчая,
то ль отвергая нас, то ль привечая:
радости птичьей и птичьей печали,
чашка в силке да двенадцатый час!

* * *

Время: сумерки, дымчатый войлок -
нет ни года тебе, ни числа:
веселящийся рой недомолвок,
и зелёная чушь ремесла,
и зелёная глушь совершенства,
до которой полвека пути,
и – старательность детского жеста
в направлении «ти-ти-улет!»

Столько тайного смысла в копилке!
Может, кто-нибудь да разберёт
чистый день для прозрачной сопилки
на отдельные вишенки нот,
и разрушит из кубиков стену,
и опять возведёт: вот стена.
Лишь одни над землёй неизменны -
небеса, паруса, имена.

* * *

Тихое воспоминанье -
ни о чём таком:
как болтала тишь лесная
птичьим языком,
как в пруду была печально сть,
и потом – в саду,
и как сумерки сгущались...
и как сумерки смущались,
глядя на звезду,
и как в воздухе висела
тенью небольшой
тучка – в образе костёла
с тонкою душой.
И как боги поглядели
на двоих людей -
и как длился две недели
ненаглядный день.

* * *

Бормотать чепуху умирать со стыда
и отчаянно века да рока бояться -
всё бросает нас жизнь то туда, то сюда:
из объятий в объятия.
Мы не помним, какое сегодня число,
ибо мы не обучены этой науке,
и не ведаем, как нас опять занесло
в чьи-то нежные руки.

Эти руки... ах как они знают игру
обладания, но на мгновение – и только!
Нам трепещется в них огоньком на ветру
так недолго, так тонко -
голубой лепесток, золотистый лоскут,
полоумная бренность во всех ипостасях...
И опять мы не знаем, когда нас зажгут
и когда нас погасят.

ТРИ ПЕСЕНКИ ТРЁХ МАСОК

Коломбина

Жизнь летучая, жизнь каруселья,
жернова... карнавал, кутерьма!
И – в зените чужого веселья -
полумаски моей полутьма,
полуарочка – полуворота:
Вам их, видимо, не миновать!
Но – простите: петля поворота -
и опять я лечу мимо Вас.

Ах, веселье продлится недолго -
ах, какой-нибудь год или век!
Но, покуда не смолкнет франдола
и покуда не кончится бег,
Вам ловить мои пёстрые платья
за мгновенья цветных рукавов -
и узнать Вам, разжавши объятия,
что под платьями нет никого.

Вы, мой рыцарь, летели за тенью -
то есть в прошлое, то есть назад, -
и прогнали своё сновиденье
слишком грозным бряцанием лат.
Я – не всё ль, что Вы прежде любили
и оставили... это ль не я?
Так ловите своей Коломбины

полумаску и ворох тряпья!

Арлекин

Ромб сложи с таким же ромбом,
бубенец – со звуком дробным,
лоб... да хоть и с местом лобным,
а печаль откинь.

Но с десяток старых шуток
собери – и пусть вошьют их
там, где сердца промежутки:
будет Арлекин.

Смех да грех... средневековье,
счастье заперто в подкове,
нет надежды пустяковой,
чем улыбка... эх,
чем улыбка Коломбины,
чем улыбка злой судьбины!
Мы друг друга так любили -
просто смех и грех...

Ромбов плоское мельканье,
вечный праздник на аркане,
правды в вашем Арлекине
нету ни на грош.
До чего ж неладно скроен,
до чего ж наряд нескромен,
но народ пришёл с окраин
и кричит: хор-рош!

Говорила маска маске:
мы нелепы, мы громоздки,
нам оставить бы подмостки
жизни кочевой!

Говорила слёзка слёзке:
мы с тобою просто блёстки,
просто смеха отголоски -
больше ничего.

Тарталья

Вы летали без участия Тартальи,
а Тарталью вы за фалды хватали
и за букли из растрёпанной пакли,
но Тарталью не поймали, не так ли?
С чем мне вас и остаётся поздравить,
ибо всё на белом свете игра ведь -
в догонялки, и особенно в прятки,
и особенно в у-нас-всё-в-порядке.

Ну, в порядке так в порядке – и ладно,
только выглядите вы неприглядно...
но, должно быть, это я с непривычки
или где-то не поставил кавычки!
Вы летали без участия Тарталья,
вы слова свои, как шпаги, глотали,
а Тарталья удалился в аллею
и не в силах был помочь – сожалею!
Но не то чтоб он там был чем-то занят
и совсем не мог вмешаться, мерзавец,
только музыка уже отзвучала -
не потребовалось злого начала:
ибо что же... вы и сами с усами -
и со счастьем расправились сами:
поздравляю, Ваша Честь, Ваша Милость, -
у меня бы лучше не получилось!

* * *

Какого чёрта, милое концерто?
Оставь меня, иди к своим богам!
Душа пережила своё треченто
и кватроченто – и сказала: тщетно,
напрасно, ни к чему весь этот гам.

Забывлось всё: как слушалось и пелось
и как игралось ниточками хорд,
как радовалось, как пилося и елось, -
сыта обременительная зрелость
и любит положительный исход,

а всё же, всё же... образы, стрекозы,
и ласточки, и ранняя весна:
глубокие февральские наркозы,
но сразу после – розы-грёзы-слёзы
и древняя, как небо, новизна.

* * *

Два левкоя на балконе -
знаете левкой?

Это облачко такое
и такой покой,

мотылёк такой поблёклый,
розовый такой,

огонёк такой далёкий

в поле за рекой,

поцелуй такой воздушный
из нездешних уст,
дудочки такой пастушьей
узенькая грусть.

Значит, мы простимся вскоре
с нашею тоской!

– Вы о чём?
– Я о левкое -
знаете левкой?

Итак, отказавшись от таинств,
ты хочешь от песни опять,
чтоб – кроме того, что летает, -
могла б ещё и объяснять?
Но нету у песни весенней
ни опыта, ни существа -
и нет никаких объяснений,
а только пустые слова.

И если ты можешь плениться
словами – пленись наконец:
ты арфа, ты райская птица,
ты, как тебя там... бубенец!
И ты поднимаешь, как знамя,
как пламя, как пенный бокал,
своё золотое незнание
навстречу идущим векам.

ГЕРМАНИЯ

Там музыка на дереве росла,
там что-почём совсем не понимали -
однажды в марте или позже, в мае,
какого-то безумного числа.
Там зрели на церквях колокола,
и падали, дозрев, и разбивались,
и говорят, что рядом жил Новалис,
но это очень старые дела.
А новые... запретная страна
отпетая – и сильно виновата,
и ни ответа больше, ни привета,
пал колокол, и лопнула струна.

И всё же... до всего, до нас с тобой,
до всех вокруг – однажды было: детство -

до юности, до этого вот текста,
до памяти с походного трубой,
до – до Второй октавы мировой,
до Чаплина... до всей этой печали!
Что ж... – скрипочки одни, виолончели,
да Бах, да Бог – тогда ещё живой,
да Лорелей (почти палеолит!),
да полчаса покоя nach dem Essen...
Каких потом не досчитались песен,
каких стихов, и сказок, и молитв!

* * *

Апрелем – ветреным, ничейным -
в кашне – завязанном узлом -
тоскует мир по приключениям,
и забывает о былом,
и ходит быстрыми шагами,
и, оступиться не боясь,
почти что скачет – отвергая
весь список зимних постоянств!

Прощай, классическая пьеска:
нам, стало быть, не удались
единство времени и места,
единство действующих лиц,
прощайте, боги и богини, -
недолог был ваш строгий срок!
Никто, и Некто, и Другие
теперь вступают в диалог -

и мы уже знакомы с каждым,
они теперь в любом из нас -
как знать, что мы сегодня скажем,
а завтра сделаем... как знать!

* * *

Вот так и жизнь: шумнёт, сомнёт
цветок, платок, письмо,
упустит птичку из тенёт,
вздохнёт, всплакнёт – и всё.

Поди поймай её потом
какой-нибудь из линз!
Уже не в фокусе твой дом,
уже другая жизнь
сверкнула и почти прошла -
успеть хотя б за ней,

чтоб, скажем, с этого числа
не пропадало дней,
чтобы каждый день – на цвет и вес -
ты сразу б опознал!
Но нет, рассеянный ловец,
опять ты опоздал.

И за весёлой суетой -
поодаль, стороной -
мелькает хвостик золотой
судьбы – ещё одной.

* * *

А там – что же там... там одно никогда -
такая пустая идея!
Вертятся колёса, струится вода -
и мельница жизни поёт никогда, -
куда же ещё никогдее?

А срок... всякий срок – это несколько строк:
четыре обычно – под ними
подводит черту Иоганн Будденброк:
на нём и закончится, стало быть, срок -
куда ж ещё лишнее имя?

В домовую книгу вписав соловья,
грача и ещё куропатку,
задуматься: что за чужая семья,
и кто из них кто, и какой из них – я?
Возврат – это дело порядка.

Всё кончится там, где оно началось, -
из просто пристрастия к ритму:
и злость, побывавши любовью, во злость
вернётся: домой... – заблудившийся гость,
подмявший в пути маргаритку.

Тому-то и учит нас рифмы урок -
мятущейся странницы, давшей зарок
вернуться однажды к обеду:
и сколько б ни виться верёвочке строк,
а будет петля – и на это есть Бог,
оставивший нас на одной из дорог,
но пообещавший: приеду.

* * *

Окарина на окраине -

на окраине чего?
Окарина на окраине...
на окраине – всего.
Громыхает в кухне супница,
задевая за игру, -
если музыка оступится,
я, наверное, умру.
Ходит дудочка на цыпочках
по обрыву бытия
с горсткой нот своих рассыпчатых,
отнятых у забытья.
О, карина, как я верю Вам
в час, когда почти бегом
сон учёный с плоским веером
бродит по цепи кругом!
Стой, попавшая на удочку
вечной музыки одной,
жизнь длиною в эту дудочку,
в эту музыку длиной!

* * *

В этом возрасте стихи
никакие не стихи,
а такие пустяки!
В этом возрасте слова
никакие не слова,
а крутящиеся лихо
золотые жернова:
не порхай над ними, птаха,
улетай, пока жива!
Размолотят подчистую -
превратишься в золотую
пыль, и все тебе дела...
В этом возрасте хвала
значит больше, чем победа,
братство – больше, чем свобода,
верность – больше, чем любовь,
и смешит любая явь,
хоть никто об этой яви
всё равно судить не вправе
в этом возрасте пока.
В этом возрасте легка
мысль, и речь легка, и память,
и Господь у них – бубенчик,
а отнюдь не кто-нибудь,
ибо, мастер пустословить,
он смешлив и беззастенчив
и, конечно, знает путь!

* * *

И открытку от Вас получить вскоре -
голубую открытку, моя радость:
на одной стороне у неё – море,
на другой стороне у неё – адрес,
и немного любви, и лихой росчерк
«Ваша...» – следует имя, за ним – дата.
Впрочем, имени может не быть – впрочем,
даты может не быть: просто – ког-дата.
Впрочем, может не быть и любви, если
море будет большое, моя радость, -
и любовь не поместится: нет места -
будет море и адрес, хотя адрес
может не уместиться... тогда, кроме
повсеместного моря (вдали – парус),
не придёт ничего... – и само море
тоже может застрять посреди пауз!

Если так, то, пожалуй, моя радость,
мне не нужно от Вас ничего вскоре -
ни к чему, моя радость, мне Ваш парус -
что мне в парусе Вашем, раз нет моря?

МАЛЕНЬКАЯ ТРАГЕДИЯ

Мне заказали музыку: не некто-
одетый-в-чёрное, не чёрный человек -
таких ко мне пока не заходило,
и слава Богу: было б слишком рано, -
но некая бесцветная особа:
не то чтобы *учтиво поклонившись*,
а просто так – придя и заказав...
произнеся при этом: «Я заказчик».

И что-то было у неё в руке -
конверт какой-то: «Тут вознаграждение», -
она сказала и – вознаградив -
уже хотела было удалиться
куда у них ведётся: восвояси,
но я её немножко задержал
и предложил: «Присядьте, поболтаем:
тут кофе и хороший шоколад».

Присели... «Вот что, дорогой заказчик, -
я произнёс: – Вы, стало быть, не в чёрном,
и это – Ваша первая ошибка... -
Вам с молоком или без молока? -

поскольку, по характеру события,
Вам следовало бы прийти не в этом...
в чём Вы пришли, но выбрать *чёрный цвет*:
так делают заказчики, поверьте.

Потом, и это будет во-вторых,
Вы ни вчера ко мне не заходили,
ни поза... – как я думаю – вчера.
Вы только раз пришли: застали дома
и думаете, так оно и надо,
хотя разыгрываемый сценарий
визит предполагает троекратный
с заказом музыки *на третий раз*.

Очередное Ваше упущение
в том, что вошли Вы так, как входят в лавку, -
напомню: неучтиво поклонившись,
а словно делая мне одолжение...
заказчики себя так не ведут:
они воспитанны, они смиренны -
и в руки не суют конверт с порога...
возьмите шоколада наконец.

И я Вам так скажу: поскольку, значит,
Вы слишком плохо знаете сценарий,
я музыки для Вас писать не буду -
вот Ваш конверт: вознаградитесь им.
А я... я подожду – пока у двери,
на третий раз, учтиво поклонившись,
появится мой чёрный человек,
единственный и истинный заказчик.

Держите хвост морковкой – и привет!»

КАК ВЕРЁВОЧКА ВИЛАСЬ 1976–1982

Как верёвочка вилась
вензельком неотразимым
по горам и по низинам,
где не раз встречали нас!
Как верёвочка вилась -
то бегом вилась, то шагом,
по горам и по оврагам -
обстоятельно и всласть:
через речку, через мост -
чуть скользя на парашете...
И ничто на белом свете
никогда так не вилось,
и ничья на свете власть,
и ничьи на свете речи
не бывали так сердечны,
как верёвочка вилась!
А любовь была не страсть,
не высоты, не глубины -
мы друг друга так любили,
как верёвочка вилась.
И, когда в последний раз
я исчезну в чистом поле,
ни о чем я так не вспомню,
как верёвочка вилась!

* * *

Тетрадь оставлена в саду -
стихи, промокшие насквозь,
уже совсем нельзя прочесть.
Размыло небо и звезду,
размыло синих ягод гроздь
и всё, что прежде было здесь.

А было несколько имён,
и несколько Любвей к ним,
и сумасшествий, и чудес.
И плавал колокольный звон,
и плавал беспризорный нимб,
и всё, что прежде было здесь.

Чай гоняли допоздна
и говорили наобум
слова – какие только есть.

И жизнь была ещё нужна -
и смех, и блеск её, и шум,
и всё, что прежде было здесь.

Гадали кто на чём горазд,
пророчествовали о том,
чего не выпить и не съесть.
Лепили из подручных фраз
кто бога, кто корабль, кто дом -
и всё, что прежде было здесь.

Теперь уж не восстановить
ни строчки: тут какой-то бред,
тут дождь навеки промочил
всё-что-имело-место-быть,
но по рассеянности, нет -
по глупости, нет – без причин -
1996

* * *

Старая-старая повесть:
Древний Египет, Китай...
Утро просило: опомнись, -
день говорил: испытай.
Вечер в глухом покрывале
вёл меня в маленький ад -
там меня с толку сбивали
и отпускали назад.
И, в темноте меня бросив,
ветер – фельдфебель, шагист -
в спину бросал мне: философ! -
и добавлял: берегись.

Но, по окраинам мокрым
идучи миром чужим,
тихо твердила: посмотрим! -
милая мудрая жизнь.

* * *

Это Ваши слова – не-печальтесь-пройдёт-
а-печаль-если-прошлая-значит-чужая!
И не помню уже, сколько лет напролёт
я живу с этим знаньем – и не возражаю,

хоть никак не проходит всё то, что должно
проходить, – и, как прежде, то муча, то жаля,
прямо в сердце мне врезано Ваше окно,

и горит, и горит – и я не возражаю.

В том окне всё пируют – и дай-то им Бог
пировать, своих сроков не опережая,
и, бокал подхватив за сверкающий бок,
позабыть обо всём, что я смог и не смог...

Я живу хорошо. И мой сумрак глубок.
И легка моя жизнь, и я не возражаю.

* * *

Старьёвщик-вечер собирает в горсть
нелепые дневные сувениры:
листок породы оторви-да-брось,
брелок с ключами от пустой квартиры,
записка... то есть подпись из неё,
мотивчик – надоедный, хоть не слушай...
Чудесное смешное вторсырье:
дай только срок – оно ещё послужит,
лишь ночь настанет!

И настала ночь,
и я – опять спускаясь в ад из рая -
всё то, что удалось мне приберечь,
кладу перед собой – перебирая
бесценный мой, прекрасный мой утиль:
билетик, кремешок от зажигалки...
А на ботинках серебрится пыль
от нашей с Вами утренней прогулки.

* * *

Когда я вдруг исчезну
в лирическую бездну
и Вам вдруг станет плохо -
Вы напевайте Баха.

Навязчивые мысли
оставив в пыльном кресле,
Вы напевайте Баха
от вздоха и до вздоха.

Забудьте все печали,
пойдите на качели
и напевайте Баха
от взмаха и до взмаха.

А к моему прощайте

себя не возвращайте:
не поминайте лихом,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.